

А. Ковач (Румыния)

«Форма без формы» и «отсутствие стиля» у Достоевского

Уже при вступлении на литературную арену Достоевский был объявлен гением и... несовершенным художником. Понадобилось более полутора десятилетия для того, чтобы предложенный им новый поэтический канон был принят и признан.

Тем не менее еще и сегодня над автором «Братьев Карамазовых» тяготеет ложная оценка: великий романист, но несовершенный художник, гениальный писатель, но плохой стилист.

В основе такой интерпретации лежит отчасти справедливое для первого варианта «Двойника» высказывание Белинского о неконтролируемом избытке таланта Достоевского, замечание о неоправданном повторе художественных самих по себе фрагментов. Впоследствии такой взгляд не просто утвердился, но и усугубился – в оценках Н. Страхова, М. де Вогюэ и др. Подобным оценкам противостоит мнение П. Мериме, согласно которому выражение «у русских писателей нет стиля» означает, что они не искусственны, а естественны. Идя по этой линии, румынские критики начала XX в. Шт. Петикэ и Г. Ибрэилян, как впоследствии и русские – А. Луначарский, Л. Гроссман, М. Бахтин, Д. Лихачев («небрежение словом»), – подводят к адекватному пониманию искусства повествования и стиля Достоевского.

Заявленная проблема ставится нами как вопрос о соотношении между стилем и глубинной жанровой структурой произведения. В соответствии с жанровой поэтикой романа «Бедные люди» в нем говорит не автор, а Девушкин, и во всем произведении, как утверждал и Достоевский, «нет лишнего слова». Поэтика повествования «Записок из подполья» и пяти больших романов обуславливает их специфический стиль, который – кстати, даже в фантастических слоях структуры – удовлетворяет требованиям и реалистического эпического стиля, и художественности. Специфика же выявляется по линии модернизма, контрастности и контрапункта, выразительности, использования крайних категорий, богатейшей лексики, своеобразной грамматики и т.п.

Стиль Достоевского вытекает из законов его глубинной поэтики и выявляет эту поэтику. Матрица стиля может быть определена как печать, наложенная личностью творца на манеру повествования, на приемы построения мотивов вообще и литературных мотивов в частности, на способы создания образов.

Намеренное использование «несовершенной» разговорной речи персонажа или фиктивного повествователя-хроникера в качестве приема было замечено критикой довольно поздно. В письме матери к Раскольникову прием подчеркивания отдельных слов и выражений, маркирование их с помощью повтора, интонации, контраста, грамматических и графических знаков используется во всей полноте. Расшифровывая эти эпистолярные «коды» матери и сестры, Раскольников проникает в самую суть вещей, осознавая до конца свое собственное положение и положение Дуни, постигает основные проблемы, определяющие не только его быт, но и бытие. Процесс расшифровки «кодов» аналогичен здесь нетеоретическому стилистическому анализу.

Тон, столь трудно давшийся писателю в процессе создания «Преступления и наказания», – серьезный, трагический, но и иронический, простой и в то же время сложный, единственно возможный для изображения бездн сознания и возвышенных порывов души, – развиваясь и обогащаясь, становится основой

специфического тембра каждого из последующих романов «пятикнижия». Достоевский знал не только от Гераклита или от романтиков, что «скрытая гармония сильнее явной». Знал это и многое другое от природы, из жизни. Но что есть гармония или то «единство», без которого нет стиля? Идет ли речь только о статуе Поликтета «Канон» – об абсолютной симметрии, выраженной в точных цифрах, о пропорциях, заранее уточненных до мельчайших деталей? Нет, ни в коем случае! Законы гармонии с тех пор сильно изменились. Достоевский не только отказывается от поверхностной гармонии, но и намеренно включает в свой стиль дисгармонию, отвергая мертвую, абстрактную схему. Ему всегда необходим и элемент случайности как знак реальной действительности и текучести жизни. Его гармония – равновесие не только антиномий, полюсов, но и самого неостановимого движения. Отсутствие диалога, статика означает для него смерть.

Сила стиля Достоевского, высочайшая степень его экспрессивности таится и в афористическом мышлении автора.

Достоевский потряс своих читателей и потрясает их и сегодня не вопреки недостатку художественности. Его искусство, в том числе и стиль, представляет собой новую модель совершенства – современную, стоящую в одном ряду с другими современными моделями. Подтверждение ее ценности мы находим в обуславливаемой ею интенсивности коммуникации, в постоянной авторизации подлинного человеческого сознания, в контрастности и богатстве лексики, в гармонии, и прежде всего в аутентичности этого стиля.